

«Революция умерла. Да здравствует революция!» | «La révolution est morte. Vive la révolution!»

Автор: Надежда Сикорская, [Берн](#), 13.04.2017.

Александр Самохвалов. Ткацкий цех, 1929. Масло, темпера, холст. 68 x 98 см.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург. (с) ProLitteris, Zurich

В столетнюю годовщину Октябрьской революции 1917 года два знаковых культурных института швейцарской столицы – Центр Пауля Клее и Художественный музей Берна – представили выставку, через которую попытались проследить влияние этого исторического события на отображение действительности в искусстве. Посетить ее можно с сегодняшнего дня и до 9 июля 2017 года.

|

A l'occasion du 100e anniversaire de la Révolution d'octobre 1917, deux importantes institutions culturelles de la capitale suisse - le Zentrum Paul Klee et le Kunstmuseum Bern - présentent l'exposition « La révolution est morte. Vive la révolution ! », qui aborde le point de départ et l'impact de la Révolution sur la représentation de la réalité dans l'art. A visiter jusqu'au 9 juillet 2017.

«La révolution est morte. Vive la révolution!»

В то время как Национальный музей Швейцарии в Цюрихе посвятил свою [выставку](#) политическим взаимоотношениям между Конфедерацией и русской революцией, музейные работники Берна – города, где неоднократно бывал и где похоронен отец русского анархизма Михаил Бакунин, сконцентрировали свое внимание на художниках, создававших и изображавших революционное общество. Их подход основывался на четком понимании того, что если первыми порвали с канонами и шагнули в новое общество с помощью новых визуальных художественных средств представители русского авангарда, то начиная с 1930-х годов тон задавала другая группа художников, создавшая новый стиль – социалистический реализм, до сих пор остающийся для многих синонимом советского искусства.

С расстояния в сто лет кураторы попытались понять, как одно вытекает из другого и, что бывает не часто, объективно оценить феномен социалистического реализма, с одной стороны, являвшегося абсолютным диктатом, а с другой – противопоставившего себя общепринятому видению капиталистического Запада и продержавшегося вплоть до распада СССР. «Что изменилось в идеологическом постулате о правде в искусстве? Существует ли сегодня неподвластная идеологии искусство, способное претендовать на звание “революционного”? И, наконец, насколько мы можем в ретроспективе понять сложные взаимоотношения между реализмом, правдой и революцией на основании представленных на выставке произведений искусства? И можем ли вообще?», – перечисляет куратор Кэйтлин Бюлер поставленные ею перед собой и коллегами вопросы.

Любовь Попова (1889-1924). Пространственное построение силы, 1921. Масло, холст (State Museum of Contemporary Art - Costakis Collection, Thessaloniki)

«Основной предмет изучения нашей выставки – это то, как искусство после Октябрьской революции восприняло не только революционное содержание, но также революционные пафос и риторiku, и каким образом следы возникших тогда альянсов находят отображение в искусстве наших дней. В искусстве революция вовсе не мертва; она продолжает жить в самых разных формах», – развивает ее мысль директор Центра Пауля Клее и Художественного музея Берна Нина Циммер.

Таким образом, две проходящие параллельно выставки каждая по-своему прослеживают историю революционного искусства. Выставка в Центре Пауля Клее, рамки которой определены «от Малевича до Джадда», посвящена революционному изобразительному духу русского супрематизма и конструктивизма и влиянию этих течений на искусство XX века. Кураторы стремились показать, как основатель

супрематизма Казимир Малевич и объединившиеся вокруг Владимира Татлина и Александра Родченко конструктивисты радикально изменили общее представление об искусстве, перейдя к геометрической абстракции. Русский авангард на долгие годы стал источником вдохновения для многих художественных направлений и отдельных художников XX и XXI веков – достаточно назвать южноамериканский авангард, американский минимализм и концептуальное искусство 1960-х и 1970-х годов. Именно авангарду по сей день справедливо отводится роль движения, «спровоцировавшего» революционное искусство.

Комар и Меламид. Рождение социалистического реализма, 1982-83. Масло, темпера, холст, 183,5 x 122 см (с) artists

Художественный музей Берна, решивший охватить пространство от Александра Дейнеки до Яэль Бартаны, делает акцент на искусстве социалистического реализма, занявшем после Октябрьской революции главенствующую позицию, и прослеживает различные преобразования в нем вплоть до наших дней. «В 1917 году за революцией в искусстве, совершенной “Черным квадратом” Малевича, в России последовала политическая и социальная революция», - сопоставляют два события кураторы выставки. Реалистический стиль в живописи стал считаться изобразительным языком, позволяющим достоверно отражать темы социализма. Искусство пропаганды превратилось в тот период в настоящую социальную программу, рекламировавшую несуществующее идеальное общество. Параллельно с распадом Советского Союза и всего восточноевропейского блока произошел перелом и в языке изобразительных средств. Сегодня эта эволюция расценивается как глухая критика, глумление, а то и как подрывной элемент, лишенный всякой идеологической составляющей. «Постепенно российские художники избавились от сдерживающих рамок социалистического стиля, создали новое творческое пространство и начали сводить счеты с циничным посткапиталистическим обществом».

Задача тех, кто сегодня полностью отвергает социалистическое искусство, была бы гораздо проще, если бы не яркий талант наиболее заметных представителей этого течения. Да, власть использовала их для описания действительности, имевшей мало отношения к жизни, но при этом они являлись и создателями новой реальности. Вот такая диалектика. В какой-то мере эта двойственность наблюдается сегодня в цифровых медиа: реалистичные и документальные образы определяют наше восприятие реальности, даже если поддаются манипуляциям и не являются, таким образом, гарантами достоверности.

Владимир Дубосарский, Александр Виноградов. С чего начинается родина, 2006. (с) Vladimir Dubossarsky/Alexander Vinogradov.

Вот о каких сложных философских проблемах предстоит задуматься посетителю выставки, знакомясь с шедеврами 1920-х – 1930-х годов (включая столь популярные на Западе советские плакаты) и пика сталинского периода (1940-е и 1950-е), вплоть до саркастического соцарта 1970-х – 1980-х с работами Эрика Булатова и Ильи Кабакова, Виталия Комара и Александра Меламида. В экспозиции также использованы многочисленные фотографии, фильмы и видеозаписи. Здесь хочется особо отметить, возможно, неизвестный молодому поколению мультипликационный фильм-плакат Юрия Норштейна «25-е, первый день», выпущенный к 50-летию Октябрьской революции (в нем использованы мотивы работ таких художников 1920-х

годов, как Аристарх Лентулов, Натан Альтман, Кузьма Петров-Водкин), и десятиминутный документальный фильм «Начало» (1967) мэтра советского кино Артавазда Пелешяна. Помимо высочайшего кинематографического мастерства они показывают начинающуюся канонизацию советской историографии.

То, что революция в искусстве не мертва, это факт. Но вот да здравствует ли?

[русское искусство швейцария](#)

Статьи по теме

[«Революция 1917 года. Россия и Швейцария»](#)

Source URL:

<https://nashgazeta.ch/news/culture/revolyuciya-umerla-da-zdravstvet-revolyuciya>